

Глава 14

□ В тот же девятнадцатый день августа Учитель дал интервью Аркадию Атарик, режиссёру и продюсеру независимой телерадиокомпании «Вся Россия».

2. Аркадий снимал фильм об общине, Учителе и о своих друзьях и знакомых, которых знал раньше по жизни и работе в Москве и которые ныне жили в общине. Фильм уже имел название — «Командировка в рай».

3. Фрагменты интервью Аркадия с Учителем ...

4. «Начнём с экскурсии в прошлое, с момента Вашего рождения. Вот родился мальчик, которого назвали Сергей ... Как развивалась жизнь в детстве? Какие воспоминания о детстве?»

5. «Самое раннее детство проходило рядом с бабушкой, любимой бабушкой, очень верующей, которая, подобно ангелу, Меня везде опекала.

6. Мама работала, все были где-то на работе ... А бабушка, даже в своём пожилом возрасте продолжая где-то понемножечку работать, брала с собой Меня на работу, где Я ей помогал мыть полы, со шваброй гуляя по коридорам ... Часто мы лежали с ней на раскладушке вечерами, смотрели на звёздное небо ...

7. Уже в этом возрасте Меня интересовала жизнь взрослых и сверстников, где приходилось наблюдать за друзьями в детском садике, смотреть, как они себя ведут. Мне было понятно, почему и что с ними происходит ...

8. Для Меня этот момент наиболее был интересен — психология поведения человека. И вот с того возраста Я уже внимательно за этим наблюдал, сравнивал ...»

9. «А первая любовь, первая записка, первый поцелуй?»

10. «Я влюблялся ... И Мне казалось, что очень сильно. Это и во втором классе было ... и в шестом, и в восьмом. Я не писал записок. Меня это очень смущало. Подойти к человеку Я не мог. И выразить что-то своё тоже у Меня не хватало смелости. Поэтому Я предпочитал быть в стороне, наблюдать за всеми этими переживаниями вот так — на дистанции».

11. «То есть Вы были скромным в детстве, застенчивым?»

12. «Мне сложно как-то сделать это сравнение самому. Может быть».

13. «Хорошо. Закончились школьные годы, Вы получили аттестат. И какие у Вас в этот момент были мысли? Что собирались делать в жизни дальше? Куда идти? Как идти?»

14. «У Меня было много фантазий ... И Мне не хотелось жить среди людей открыто. Тот мир, который Я видел, Мне не нравился. Поэтому у Меня много было разных фантазий с приключениями, где Я не среди людей, а где-то от них далеко. Это сохранялось и в послешкольный период.

15. Я хотел что-нибудь изобрести такое, что помогло бы тайно находиться, наблюдать за всем, по возможности участвовать ... Но открыто Мне быть просто не хотелось, какая-то большая внутри дистанция формировалась.

16. Мне неинтересно было то, к чему устремлялись одноклассники, их цели и взгляды. И с течением времени они Мне всё более были скучны, неинтересны. Поэтому как-то точно определиться к этому часу Мне было сложно.

17. Чем больше близился час заканчивать школу, тем серьёзней приходилось смотреть на реальность. И виделись многие

сложности, которые не могут позволить фантазиям воплощаться ... Но вскоре наступил армейский возраст».

18. «Вы были в армии?»

19. «Да».

20. «В каких войсках?»

21. «Строительные войска в Монголии».

22. «И как сложилась армейская жизнь?»

23. «О-о! Это, наверное, яркое впечатление из юности ... Но грустное».

24. «Расскажите поподробнее».

25. «Подробнее, может быть, сложновато будет рассказать, потому что мало что хорошего Я могу вспомнить. Этот мир показал Мне реальность со стороны, которая была, конечно, ошеломляющей. Такого примитивного мышления и поведения Я никогда не встречал. Меня это ошеломило. Я думал: глупее места нет.

26. То, как человек пробует доказать свою правоту, хотя она чрезвычайно примитивна и ограничена; как человек упивается своей властью, думая, что он должен приказывать только потому, что у него такая должность — приказывать, не важно что. Все попытки отстоять какие-то правды были просто, мягко говоря, несерьёзными.

27. Стремления юношей, там находящихся, то, как они оценивают реальность, как они пробуют доказать себя, прослужив какой-то период времени в армии, — это всё, конечно, виделось невероятно абсурдным.

28. И Мне казалось, что если кто-то спросит, как в армии, то Я бы ему сразу стал советовать не ходить туда, потому что это что-то невероятное ...

29. И говорить о чём-то патриотическом — это больше лозунги. Потому что склад мышления человека, который ориентируется только на уважение физической силы, — это очень грубый склад. Человек становится очень примитивным, и всё его поведение становится больше на обезьянье похоже — такое грубое, из каменного века ... То есть впечатления вот такого рода у Меня больше сложились.

30. Это, конечно, очень грустные впечатления ... Хотя из того, что Мне приходится сейчас слышать о том, что там происходит, можно просто увидеть логическую цепочку, которая развивается естественно, и по-другому она не могла развиваться. Это единственное направление, плоды которого можно сейчас наблюдать. И в дальнейшем они будут ещё более сложными.

31. Таков характер мышления человека. И других плодов сложно достигнуть. Уважая силу, человек перестанет уважать культуру, он перестанет уважать духовные ценности неизбежно. И тогда это всё становится очень страшным ...

32. Поэтому армия, конечно, была для Меня своеобразным потрясением, под которое Я пробовал по-своему подстраиваться.

33. Но Меня в какой-то мере спасало то, что Я умею рисовать. Это быстро многие увидели и стали предоставлять Мне возможность заниматься прежде в сфере изобразительного искусства».

34. «А Вы учились рисованию или это пришло само собой?»

35. «Я умел это с детского возраста.

36. Я не помню этого, но Мне рассказывали Мои родственники ... Они видели, как Я рисовал бабушку свою, которая чистила картошку, сидя у печки ... Я рисовал её вместе с картошкой, вместе с печкой ... говорят, даже все углы у печки были нарисованы в перспективе — не как детский подход, очень похоже было. Но Мне трудно судить, Я этого уже не помню.

37. И так в жизни Я рисовал, когда приходилось. Просили в школе рисовать: или портрет Пушкина ... или к уроку литературы «Опять двойка» на ватмане большом — эту картину карандашом Я рисовал, срисовывал ...

38. Всем нравилось. Но Я как-то не испытывал ощущения, что Я люблю это делать и очень жажду. У Меня не было тогда жажды. И только лишь однажды (уже после армии) она пробудилась с невероятной силой ...

39. И в армейский образ рисование немножко вплелось. Там увидели, что Я могу ... доверили Мне многое, чтоб Я мог это делать. Это помогло Мне. Я удалялся в свой гарнизон, в мастерскую, где уходил от многого и просто был в своём мире ...

40. В юности Я не так часто гулял на улице. Я больше предпочитал дома фантазировать, конструировать что-нибудь ... даже создавать рассказы свои, свои фантазии какие-то пробовать описывать, и это читали школьники. Я тетрадки шивал ученические вместе, писал, и они читали. А ходить в какие-то компании ... Мне это было сложновато, Мне было просто совсем неинтересно.

41. И выход в армию — это своеобразный выход ко многим людям, с которыми Я никогда не общался. Поэтому для Меня это было таким сильным потрясением.

42. Я познакомился с тем, что дальше потом немало приходилось видеть в жизни. И за этот период Я уже немножко сориентировался, и Мне было уже легче настраиваться и соответственно реагировать на многое».

43. «А кто-то остался из друзей детства? Хоть один друг, которого Вы именно с детства любили? Может быть, его сейчас нет рядом, но воспоминания о нём есть ...»

44. «Я много переезжал с места на место с родителями. Родители увезли Меня в 7 лет из Краснодара. И вот так по два-три года Я учился в какой-то очередной школе ... И есть, конечно же, знакомые, которых Я помню ... Но вот эта частая смена не оставила никаких контактов. Я ни с кем не встречался из них».

45. «Итак, закончилась армия ... И вот после армии, так сказать посмотрев на реальную жизнь, Вы возвращаетесь домой. Куда?»

46. «Я вернулся сначала в Минусинск. Там мама жила. Поэтому, естественно, Я вернулся домой».

47. «Как пошла жизнь?»

48. «Дальше Мне захотелось вернуться ещё и на родину, в Краснодар. Поэтому Я поехал туда. Там тоже много было знакомых, родных. Попробовал жить там ... Жизнь погрузила Меня в слои, которые Мне было тоже важно увидеть, почувствовать, понять. Много важного это дало Мне в познании человека. Это дало широкий спектр познания многих обстоятельств, в которые Я вошёл, на которые попробовал настроиться.

49. Ибо, если Я прихожу со Своим миром, Я заметил, что в какой-то мере Меня начинают бояться. Потому что Я как будто бы с ними, но как будто не с ними — Я внимательно наблюдаю.

50. Один из тех знакомых с улыбкой однажды так сказал об этой ситуации: «Послушай, почему-то, когда я рядом с Тобой нахожусь, мне всегда хочется кого-то выдать», — улыбнулся Учитель. —

51. Шла интересная, своеобразная жизнь, на которую (ещё раз повторяюсь) Я попробовал настроиться, попробовал войти в неё ... Чтобы Я мог немножко больше о ней узнать, Меня должны были принять как своего. Иначе сложно ... Там были и братья мои двоюродные ... И конечно, насколько можно, насколько Мне позволяли Мои возможности, Я настроился на эту жизнь. Меня приняли как своего.

52. Но это Я смог продержаться в течение года, даже меньше — полгода где-то, и почувствовал, что Я уже немножко так подустал, хочется вернуться в Минусинск. Потому что это вроде бы и жизнь — в какой-то мере есть там свои интересные краски, но ... не Моё всё равно.

53. Мне всегда везде приходится одевать маску, настраиваться на тех, с кем Я общаюсь. Я вижу, что это Мне помогает узнать их мир лучше. Когда они Меня принимают своим, они откровеннее, они открывают свой мир, и Я узнаю его.

54. Но в Моей жизни случалось так, что время от времени Я чувствовал, что приходит пора, когда надо переходить к чему-то другому. И Я ощущал заинтересованность в другом и так же настраивался на другое, узнавал ... Но потом это виделось Мне уже как ненужное — возникала следующая заинтересованность.

55. И это создало к необходимому часу важную палитру познаний, на которую Я могу опираться. Мне легче общаться с людьми разных уровней. Мне понятны их интересы, их отношение, их состояние ...

56. После пребывания в Краснодаре Я опять вернулся в Минусинск, где уже дальнейшие события начали разворачиваться, новые друзья стали появляться.

57. Мне было во многом легко заинтересовать других людей. То есть Я мог за многое взяться, это могло очень интересно получаться ... и Я сразу приобретал определённый круг друзей. Так в какой-то момент у Меня была заинтересованность изучать восточные искусства ...»

58. «Единоборства Вы имеете в виду?»

59. «Да-да. Я мог этим очень увлечься и мог из ниоткуда создавать многое сам. И когда Мне приходилось сталкиваться со специалистами, это было им очень интересно ... А заинтересовавшись, они начинали поддерживать отношения, и соответственно сразу быстро начал складываться круг людей, желающих этому научиться и общаться на эту тему. И так у Меня появлялись такого рода друзья.

60. И когда уже Я окончательно рисовать начал, то, конечно, это немножко в другой пласт перешло ...

61. Я могу упомянуть ещё одно мгновение из юности, когда Меня вот такой первый знак пробудил к рисованию — это когда Я посмотрел многосерийный фильм (кажется, итало-французской компании) «Леонардо да Винчи». Меня он сильно поразил (в седьмом классе Я его посмотрел), настолько сильно, что у Меня возникла невероятная потребность рисовать.

62. Мне казалось, что Я хорошо ощущаю рисунки, которые он делал (они демонстрировались на экране). Мне казалось, что Я чувствую их каждой клеткой ... чувствую вибрацию этих линий ... Настолько это было сильно!

63. У Меня так в тот момент всколыхнулась потребность рисовать! Мне казалось, Я могу нарисовать всё что угодно, как будто это Моё — оно всем сердцем ощущается, вибрирует каждый участок Моего тела ...

64. Но в этот момент Меня никто не мог поддержать. В городке Ужур, где мы проживали в то время, у Меня не было ни знакомых художников, ни кого-то, кто бы в этой теме как-то себя проявлял. Поэтому Мой рывок вскоре мягко угас. Я не

мог найти никакой поддержки, у Меня не было никаких средств к занятиям изобразительным искусством, то есть дальше Мне продолжить было сложно ...

65. А вот в 82-м году эта жажда уже серьёзно пробудилась. Мне мама рассказывала, что Я как-то ночью соскочил с кровати и говорил, что пахнет краской масляной ... в каком-то таком состоянии соскочил ... Но Мне этот момент не особо помнится.

66. И вот с того времени было что-то, что описать сложно. Потому что это настолько ярко чувственно вскрылось! Это как какая-то фантастика (может быть, с этим сравнимо)!

67. Мне позволяло такое состояние проникать в глубь времени и прикасаться к любому творению, которое Я мог в репродукции видеть. Я мог видеть, как оно создавалось мастером. Я мог ощущать эту эпоху, мог проникать в неё и ощущать звуки того времени, звуки города, где творил мастер ... Я ощущал эти запахи ...

68. И тогда Я бросился искать тех художников, которые могли быть в Минусинске. И когда их находил, Я радовался хотя бы краткому какому-то с ними общению ... Хотя вскоре начал потихонечку разочаровываться, потому что Я не увидел с их стороны того рвения в творчестве. Они больше выбирали материальное и в зависимости от этого творили от случая к случаю.

69. Меня это смущало, потому что Я не видел вероятных преград вообще, в принципе — если есть такое творчество, ничто не может остановить. Мне было непонятно, почему они только время от времени творят. Поэтому общение это не очень было удовлетворительным, хотя, насколько можно, Я пробовал с ними общаться всегда.

70. И тогда Я начал рисовать ... Никаких прогулок больше у Меня никуда не было. Я по двенадцать часов находился за рисованием, пока в глазах двоиться не начинало: с утра рано начинал и до тех пор, пока ещё хоть что-то было видно вечером, Я всё время рисовал. Этот период в несколько лет был у Меня таким вот «запойным».

71. Но в этот период мама видела, что это ещё пока не даёт Мне возможность зарабатывать на хлеб и где-то Мне надо определиться. Я постоянно слышал наставления мамы, что должен где-то работать или идти учиться куда-то.

72. А Я чувствовал, что сейчас не могу куда-то пойти учиться. Я знал, что могу рисовать, и Я делал это. И быстро опыт начинал формироваться.

73. А мама пробовала убедить, чтоб Я всё-таки куда-то устроился. И Я начал устраиваться (опять же знакомые Мне помогали) то в одно место, то в другое ... Так Я попал в милицию».

74. «Вот это, кстати, интересный момент: художник — и вдруг в милицию? Как это произошло вообще?»

75. «Тогда Меня интересовал только один момент: Меня днём никто не должен отрывать от работы, от рисования.

76. И Мне внезапно предложили: «Пойдём вместе с нами». Одноклассник пошёл туда (там знакомые у него были), он сказал: «Там есть время. Вечером можно ходить по улицам, патрулировать (по сути для Меня это означало — гулять), а день у Тебя свободный». То есть с вечера до полуночи — это работа, а дальше — Я весь день свободный. И Я говорю: «Ну пойдём». Я пошёл.

77. Но, побыв там месяц, Я не выдержал. Однажды Я шёл на работу ... развернулся с полдороги и пошёл домой. Я не смог. Мне показалось, что это что-то немыслимое, совсем не вяжущееся с Моим состоянием, потому что Я мечтатель, Я фантазирую, Я пребываю в состояниях, в которых вообще даже и опасно пребывать в таких условиях. И Я пошёл домой.

78. На какое-то время (несколько недель) Я уже просто бросил эту работу ... Я в таких случаях просто оставлял работу.

Чувствую, что не получается, — Я просто оставляю, не увольняюсь: уйду и больше не возвращаюсь.

79. Хотя там пробуют Меня уговорить, что надо трудовую книжку забрать, надо деньги получить ... Но Мне ничего не надо. Я остановился и больше не возвращаюсь к этому. Так и здесь, по такому же принципу: раз — оставил, не стал ходить.

80. А через несколько недель пришёл тот, кто за Меня был ответственным на этой работе (он человек очень мягкий), и начал уговаривать Меня ...

81. И вот это было Моим самым слабым местом — Мне сложно отказать, когда человек очень мягко уговаривает. Я и так пробовал ему показать, что не могу, и по-другому ... Чувствую: Я не могу отказать, Мне не хочется увидеть, что он расстроился. Мне больно увидеть расстроенное лицо, если человек с хорошим отношением подходит. Для Меня это самое слабое место.

82. И попробовав с разных сторон отказать, чувствую: не получается. Говорю: «Ну ладно, Я вернусь». Вернулся. Мне заплатили зарплату за то, что Я не ходил; никто не показал вида, что Меня не было, — Учитель заулыбался. — И так Я стал там опять работать.

83. Но тут уже Я почувствовал, что Мне надо всё-таки посерьёзней настроиться на эту волну. Потому что просто очень большая дистанция была. Я чувствовал, что как-то не складывается общение со сверстниками, которые там работают, слишком большая разница в общении, в интересах. И Я попробовал на них настроиться немножко.

84. Я вспомнил, что занимался единоборствами. И эта часть Моего творчества включилась — потребность опять вернуться в спортзал.

85. И проявившись в этом смысле, Я быстро завоевал авторитет у них. Это им очень понравилось. Меня сразу стали уважать, сразу как-то стало отношение другое совсем выстраиваться.

86. Хотя некоторые время от времени Меня спрашивали: «Как ты сюда попал?» Мне всё время хотелось сказать: «Ну неужели у вас такое болото, куда нормальная птица залететь не может? Что ж вы сами о себе так говорите?» — Учитель и Аркадий засмеялись. —

87. Этот мир Мне помог увидеть людей интересных, но где очень яркий отпечаток был того, что по сути своей им приходилось искать негативное.

88. А когда человек постоянно находится в этом поиске, у него в психике происходят определённые изменения: этот поиск становится как навязчивая идея. Человек не может нормально поговорить с кем-то ... Он уже, как зуботехник, который сразу смотрит в рот ... То есть своя специфика профессиональная начинает появляться. И она уже становится опасной.

89. Но Я видел разных людей на тот момент. Я видел тех, кто действительно мог по зову о помощи броситься куда угодно, несмотря на то что кто-то, может быть, его ругал бы как того, кто является милиционером (есть такое — модно это ругать).

90. Но Я знал, что именно этот человек, если кто-то закричит «на помощь!», бросится, даже если там будут вооружённые и будет опасно, — он бросится туда. А тот, кто ругает, не бросится. То есть это тоже бывает интересно увидеть.

91. Люди, конечно, там разные ... Но они же выходят откуда? Они ж из той среды выходят, в которой другие остаются, — а они переходят в эту область ...

92. Но Меня там уже стали держать как художника больше: престижно было, что есть в милиции такой художник. Они видели, что Я рисовал, на выставках начинали встречать ... И конечно, это в какой-то мере для них было ценно.

93. Хотя Я с течением времени чувствовал, что Мне сложнее и сложнее дальше притворяться ... быть в этой маске ...
94. Но уже друзья были какие-то, пробовали дружить, насколько это было возможно ... шутить, смеяться, смотреть на мир вместе ... Хотя это больше игра была в Моей жизни. И однажды Я уже почувствовал, что надо уходить».
95. «И долго Вы проработали в милиции?»
96. «Пять лет. Ещё не вышел срок контракта, который заключался. А увольнять — там так просто не увольняют. Там либо по каким-то обстоятельствам дискредитирующим ... но так просто самостоятельно никто не увольняется — такое правило есть.
97. И тут Я чувствую: не дотяну Я дальше до срока, Мне надо просто уже уходить. И тогда Мне пришлось поговорить с командиром. Он не захотел отпускать, побежал к начальнику милиции, сказал ему о том, что Я хочу уйти. Тот Меня вызвал. Я по лицу командира увидел, что он уверен, что начальник милиции не отпустит Меня.
98. Но когда мы сели с начальником разговаривать — и конечно, душевно Я поговорил, насколько умею — Мне удалось его убедить. Я сказал: «Я просто чаще отсутствую ... Я могу, конечно, ходить, но Мои фантазии ... Я отсутствую ... Я есть на работе и нет Меня ...»
99. Были просто очень такие смешные истории ... Какие-то можно даже и упомянуть, они действительно выражают суть события. Так вот как-то вечером, заглядевшись на небо, Я чуть не упал в канализационный люк, — Учитель засмеялся. — Дежурить приходилось ... и открытый люк был на дороге ... и у Меня нога туда — раз!.. Но он-то ж маленький, и поэтому Меня задержал другой край. Был бы больше — Я б упал.
100. Так что это за милиционер, который вот так, задрал голову, только звёзды и видит прежде; наблюдает ночной город — ни одного огонька в окнах, как будто город фантастический такой, где нет людей; слушает шум листвы опадающей, осенней?.. То есть много таких фантазий, ассоциаций одновременно Я переживал, в них находился. Это был Мой мир. Поэтому вырваться Мне из него было, конечно, очень сложно.
101. Но время шло, и потихонечку всё подготавливалось к Свершению. Мой чувственный мир стал испытывать разные изменения ... И ощущения в восприятии реальности становились очень своеобразными. И вот Я ушёл и уже полностью погрузился в рисование».
102. «А сколько лет Вам было?»
103. «Да Я уж даже не помню сколько ... В 89-м Я перестал работать в милиции. Я уже просто начал рисовать основательно. У Меня была семья, дети».
104. «Художники — не только романтики ... Они позволяют себе жить свободно, и это часто переходит рубежи разврата, алкоголя, наркомании. Вы столкнулись с этим в своей жизни?»
105. «Нет, нет. Я эту грань чувствовал. Ведь это же прежде связано с общением людей. Даже если взять слово «разврат» — оно обозначает контакт одного человека с другим человеком. Это контакт их сердец на каком-то уровне. Либо это очень поверхностный взгляд друг на друга, либо какой-то другой (но другой, как правило, мало предполагает разврат) ...
106. Мне приходилось знакомиться с девушками ... Когда Я был среди ребят, Я видел их отношение к женщинам. Находясь с ними, Я знакомился тоже. Но Я заметил, что Мне не удаётся общаться так, как они общаются. Для Меня это было очень сложно и как-то диковато — их отношение к женщине. Я не мог так делать ... То есть Я пробовал настроиться на их волну, но Мне это было непосильно.

107. Когда начиналось общение, Я общался душой, Я не мог общаться по-другому. И Я видел, что это сразу начинает нравиться девушке — когда Я воспринимаю её не как того человека, кем пользуются. И Я видел, что они всегда тянутся пообщаться как раз со Мной, потому что Я доверяюсь сразу в общении, и они это, видимо, ощущали, это им становилось дорого.

108. И вот так рассматривать человека — что Я как будто бы готов его тут же и бросить — для Меня это было что-то невыносимое. Если Я начинал общаться, Я бросить не мог.

109. Так что у Меня знакомств на самом деле очень немного было. И все они впечатление немножко грустноватое оставили, потому что Мне пришлось увидеть вещи, которые не хотелось видеть в женщинах, а это как бы так демонстрировалось ... И грустноватый образ стал складываться.

110. Но в то же время Я увидел, что этот образ создают сами мужчины. Общаясь с женщинами, выстраивая своеобразное к ним отношение, они невольно создают и у них соответствующее отношение в свою сторону. То есть можно сказать: все друг друга стоят. Поэтому ругать женщин и сказать: «Все женщины такие» — это одно. Но так же логично сказать и про мужчин: «Все мужчины — это что-то одно» ...

111. А спиртное немножко Я пробовал. Это тоже своеобразное познание. Но оно очень кратким было: Я немножко погрузился туда — Мне не понравилось. Поэтому Меня это не коснулось ... Чтоб Я этим не увлекался ...

112. Так что Я немножко по-другому романтичен ... В этом у Меня не получилось быть разболтанным».

113. «Хорошо ... И так, вернёмся. Вы ушли из милиции и окунулись полностью в творчество?»

114. «Да».

115. «Примерно Вам было 28-29 лет?»

116. «Да».

117. «Как дальше развивалась жизнь?»

118. «Очень скоро Я почувствовал, что подходит какое-то особое время, которое Мне до конца осознать было ещё сложно.

119. Я по-прежнему пробовал творить картины. Они только-только начинали выходить на выставки, даже начинали появляться заказчики ... Но это ещё не приобрело широкий какой-то размах. Хотя Я знал, что если появлялся кто-то желающий заказать свой портрет, то художники отправляли ко Мне ... Но это размах, Я повторяюсь, не приобрело ещё пока. Потому что вот эти события Пробуждения уже вскоре произошли.

120. И тут одна церковь абаканская заказала Мне икону ... Это было первое, где Я, кроме общения с бабушкой в детстве, соприкоснулся со священной темой; раньше Я к ней как-то близко не подходил.

121. Но это был период такой, когда уже Мне надо было переключаться в эту сторону. Поэтому был сделан заказ, и Я попробовал его выполнить ... выполнить так, как почувствовал. Сориентировавшись, внутренне настроил всего себя ... и сделал Николая так, как Я его почувствовал, увидел внутренне, ощутил.

122. Когда священник посмотрел, ему понравилось. И тогда Я сделал вторую работу, уже Матушку. И тоже выразилось согласие, всё понравилось.

123. Мне заплатили деньги. А до этого мы семьёй пробовали по чуть-чуть откладывать (Мне хотелось Любашку свозить

в Краснодар, к морю, она никогда туда не выезжала), жили мы на наши маленькие возможности ...

124. И тут дают сумму, из которой видно, что теперь можно съездить. За иконы Мне дали столько, сколько сочли нужным (Мне сложно было говорить о цене, и Я принял их предложение). Хорошо ... видим, что теперь хватит. Ну, раз дали деньги, то мы их быстро стали тратить тогда, готовиться к поездке.

125. Но через несколько дней Меня приглашают и говорят, что надо переписать иконы: «Почему они босиком идут по облакам? Обувь должна быть. Почему у него ленточка развеивается? Она не должна развеиваться ...»

126. То есть Я немножко жизни придал ... А тут стали идти разговоры какие-то очень специфические: «Почему у Николая большие руки? Они должны быть тонкие, он ведь никогда не работал», — что-то в этом роде, какая-то ненормальная логика начала звучать ...

127. Я послушал ... и отказался переделывать. Говорю: «Нет, Я там не буду менять ни волоска. Мне это дорого, потому что Я сделал это от сердца и, если буду делать другое, Я начну лгать. Я сделал так, как Я видел».

128. Мне сказали: «Ну, тогда ... тогда мы не берём работы. Надо вернуть деньги». А то, что мы откладывали, мы уже почти растратили ...

129. Ну надо — так надо. Привезли Мне домой работы. Рассказал Любашке, что так случилось — будем возвращать. Я отдал им деньги. Конечно, у нас ничего не осталось ... Вот такое своеобразное преддверие дальнейшего развития событий.

130. И вскоре начали потихоньку выстраиваться обстоятельства, которые стали ещё больше на это Меня переключать. И когда Я увидел на экране телевизора передачу о погранных святынях, о храмах разрушенных, на стенах которых надписи всевозможные, о кладбищах порушенных — это уже окончательно Меня подтолкнуло внутри.

131. Как рванулось изнутри всё наружу! Такая своеобразная скорбь, протест: «Я знаю, что это надо выправить! И Я знаю, как это сделать!» То есть Моё существо начало, как фонтан, вскрываться ... Это трудно с чем-то сравнивать ... В этот момент и запах ладана чувствуется, и звон колоколов ощущается ... Это ощущение трудноописуемо.

132. Вот с этого момента у Меня началось самоосознание. Я не воспринимал какую-то информацию, как многие сейчас: разные пророки, которые появляются, все слышат какой-то голос, у них какие-то видения, их кто-то наставляет, они как будто бы напрямую общаются с Богом и прочее, прочее ...

133. Со Мной это не связано. И это единственный случай, когда это не связано с общением извне, потому что Я не нуждаюсь в слышаниях. Моё существо создано так, что оно не нуждается в какой-то дополнительной программе. Я имею возможность творить в любых условиях, где тому время придёт. Я сделаю оценку. И Я буду знать, что сделать и как исправить.

134. Так вот это Пробуждение уже подтолкнуло к тому, что Я и рисовать стал потихоньку заканчивать, потому что Мне нужно было внутренне настроиться на то, чтобы идти и творить главное. Я ощущал огромную потребность творить, создавать.

135. И неважно было, как Меня могут называть, какое у Меня имя. Мне это совершенно было на самом деле неважно. Я знаю, что Я могу, что это Я должен сделать.

136. И Мне надо было немножко как-то прийти в себя. Поэтому, наверное, Я чувствовал, что Мне нужен пост: в течение шестидесяти дней Мне надо будет очень-очень скудно кушать, пребывать в переключении таком, настройке, перед Моим очередным днём рождения, тридцатилетием.

137. Хотя Я очень сильно похудел, напугал маму тем, что такой худой стал. Она всё время кричала: «Не ешь ничего! Вон какой синий уже ... зелёный!» Мне трудно было с ней тогда общаться, — Учитель засмеялся. —

138. Много испытаний было семье ... У нас не было никакого дохода, и деньги Я буквально находил на дороге. Кончается последняя копейка, не на что купить хлеба (а семья, родился ещё ребёнок!) — Я нахожу деньги на дороге. И как только заканчиваются, Я в очередной раз что-то нахожу.

139. И вот какое-то время такая подготовка шла ... Я знал, что не могу сейчас никуда пойти. Хотя Я слышал много упрёков от мамы прежде, что, мол, семья, а Я ни о чём не думаю ... И так как искушение определённое звучало, Я по-своему старался к этому отнестись правильно и настраивался совсем на другое.

140. Немножко подправилось дело, когда уже день рождения прошёл, пост закончился ... Тогда Я уже был готов к сотворению. И вскоре после дня рождения, в мае, Я уже пошёл к людям. Но это было внутри города.

141. Если Праздник сейчас свершается 18 августа, то это как День открытого Слова, на которое Я выехал и исполнил. А тут Я шёл в Дом молитв к людям впервые общаться, знакомиться.

142. К уфологам ходил ... Были знакомые некоторые ... директор художественной школы там оказался ... Я видел, что сознание их подготовлено к тому, чтобы послушать Моё. И Я к ним пришёл и оттуда извлёк одного из последователей первых, Володю Плесина. Он там как раз был один из знаменательных личностей, занимался уфологией, воспринимал разные информации ...»

143. «Просветление ... Как это произошло? Вот Вы проснулись в одно утро и увидели всё в другом цвете?»

144. «Нет, это было не утро. Это произошло в течение дня. Как Я сказал, это произошло как Пробуждение, где в ощущениях резко многое перевернулось ... И Я затрудняюсь это как-то выразить словами.

145. Но Я увидел сразу параллель. Я увидел, что активно, очень сильно вырывается то, что как будто пробовало время от времени вырываться в течение жизни в разных обстоятельствах, но кто-то заботливо это держал. А тут вырвалось всё это теперь наружу уже неудержимо. Я образно выразил это как Пробуждение».

146. «Понятно».

147. «Да ... и пошёл просто уже совсем другой взгляд на жизнь. Я как-то пробудился ... начал смотреть на жизнь с других уже позиций».

148. «И с момента Пробуждения что является основным? Какое основное отличие той информации и того багажа, который несёте Вы и знаете Вы, от той, что знали до Вас?»

149. «Во Мне это проявляется не информационно, а как Моё существо. Это не как знание, не как какие-то предложения, сознанием запечатлённые, а как Моё существо.

150. Оно просто развернулось, как может разворачиваться, открываться ... Но до этого времени как будто бы это было делать нельзя. Иначе Я бы не смог знакомиться ни с кем из тех, с кем Я познакомился. Я бы просто не смог к ним войти. Тогда бы дистанция между тем, что Я видел, куда Я входил, и тем, что у Меня, была бы просто гигантская.

151. Поэтому Я находился в своеобразном состоянии, которое позволяло Мне со многим познакомиться. Значит, Я должен был иметь некоторые особенности, помогающие Мне настроиться немножко на эту волну ... Хотя это, конечно, создавало некоторые сложности и могло быть только кратким, пока не коснётся чего-то очень серьёзного.

152. Но это так же, как Я приезжал в Краснодар и со своим братом ходил. Он такой компанейский, много разных историй, приключений в своей жизни испытал ... И он всё время удивлялся: «Что такое? Как мы с Тобой куда-то пойдём, так всё острое, что там начинается, быстро сглаживается, и никак не удаётся поучаствовать в чём-то остром ...»

153. То есть он такой боевой был ... В его жизни это как хлеб, как повседневная необходимость — чтоб приложить физическое какое-то усилие в разрешении каких-то задач. А здесь он удивлялся, что куда бы мы ни пошли, всё как-то интересно сглаживалось.

154. И когда Я с ним уходил куда-то в вечер, в ночь, мама его всегда спала спокойно. Как только Я не иду — она всю ночь почти не спит. Но если мы пошли вместе — она спит спокойно: значит, всё будет хорошо».

155. «Скажите (я, кстати, не уверен), Вы сами называете себя Христом во плоти или Ваши ученики?»

156. «Я ощущаю эту связь ... ощущаю.

157. Но у Меня не было потребности об этом говорить, потому что на тот момент, когда Я делал первые шаги, Мне вообще неважно было, как Я могу называться, Меня это мало интересовало. Я знаю, что Я знаю, могу сделать и Я должен это сделать. И Я пошёл к людям. Поэтому первые Мои встречи на самом деле не были связаны с тем, кто Я.

158. Но с течением времени Я просто увидел естественный, логичный вопрос: «А когда придёт Христос?» — на который уже не ответить было невозможно, потому что Истина — в одном лице. И если Он должен прийти, значит, Я не до конца говорю правду.

159. И тут настал момент, когда Мне просто это нужно было до конца ощутить. У Меня произошли некоторые воспоминания ... такие очень будоражащие. Оно как-то смутно-смутно пробилось внутри, это ощущение ... И Моё сердце немножко так начало выбиваться из ритма от этих переживаний. Этого краткого мгновения достаточно было, чтоб это пережить и до конца вот эта параллель чтоб установилась».

160. «Могу ли я понять Вас так, что в Вас, в Вашем теле живёт Дух того Иисуса, который был две тысячи лет тому назад?»

161. «Да, это Моё существо такое».

162. «То есть это одно единое?»

163. «Да».

164. «То есть прошло время ... изменилось тело, но суть та же самая осталась?»

165. «Так как тело рождается новое, в сознании нет этой информации. Она есть только в душе. Запечатлена чувственно эта информация, как у каждого человека запечатлевается информация о прошлом. Но в сознании этой информации нет.

166. Поэтому она может пробиваться очень своеобразно. Это как раз в одно мгновение и произошло. Я понял, что не надо помнить много, это слишком своеобразное переживание, сильное. Лучше это не помнить».

167. «То есть конца света как такового не будет?»

168. «Свет такой, который существовал (старый свет), должен будет закончиться, потому что так жить, как живёт человек, просто нельзя. И сейчас активно вырастают некоторые особенности в техническом прогрессе человека, которые должны быстро уничтожить эту цивилизацию, привести её к самоуничтожению».

169. «То есть это экологический конец света?»»

170. «И экологический, и техногенный. Потому что происходящее психику человека сорвёт окончательно. Люди не успеют за временем, они не имеют такого качества — успевать. Быстро растущие технические достижения просто не выдержит психика человека.

171. Поэтому в этот период как раз и надо было, используя все эти ситуации, используя экологические изменения на Земле (то есть всё сведено было в точку), чтобы разрешающим моментом было естественное развитие событий, а не просто какая-то кара, посланная молния (Отец их не посылает никогда).

172. Была использована эта ситуация, чтоб именно в ней сделать вот это переключение, чтоб за этот период каких-то постоянно развивающихся событий, не однодневных, у человечества была возможность переориентироваться, сделать выбор, сделать смелый шаг.

173. И вот за этот период самый главный расчёт прежде на экстремальные условия.

174. Хочется, конечно, чтоб больше приняло участие людей, но это минимальная возможность. Прежде выбирается самым главным другое: собрать то небольшое, что вообще возможно в этих условиях, и создать из них то общество, которое станет способным проходить любые экстремальные условия, то есть чтоб психологически они были готовы выдержать всё и сохранить свой вид, дальше продолжив существование. Вот это и надо сохранить».

175. «На этой же планете?»»

176. «Да, прежде на этой планете. Чтоб дальше уже, развиваясь нормально, выйти за пределы планеты. Но именно на Земле прежде надо утвердиться и сохраниться.

177. И Сибирь ходом истории хранилась нетронутой, насколько это было возможно, чтобы именно здесь потом сконцентрировать основную часть вот этого будущего человечества. Это самое главное. Будет ли это тысяча людей ...»

178. «В Священном Писании сказано, что будет 144 тысячи тех, кто выживет ...»

179. «Это больше образ, конечно. Потому что выбор человека предполагает непредсказуемые действия. Если выбора нет, тогда можно сказать: «Вот — будет столько!» Но тогда и несерьёзно о многом говорить будет. Нет, конечно. Это чисто такие эзотерические символы.

180. Здесь хочется как можно больше людей собрать. Поэтому мы, насколько возможно, будем пробовать эту Весть нести. Но выбор останется за человеком.

181. И сама жизнь, которая здесь протекает, многому будет учить и помогать быстрее сориентироваться кому-то, кто придет только спастись, не думая о труде, который на самом деле надо свершить для Спасения. Поэтому работа здесь, конечно, большая ... И необходимое соберётся здесь.

182. То есть человечество, по сути, будет спасено. Но вот какой ценой — ещё пока остаётся под вопросом ... какой объём людей может воспринять ...

183. Стоило б только в России, к примеру, к этому вопросу отнестись серьёзно, можно было бы подключить телевидение, предоставить возможность людям разумно рассуждать по фактам, которые происходят здесь. И Я готов был бы отвечать на любой вопрос, где исключить можно было бы споры, но предоставить всем конфессиям высказать логично то, что они видят по поводу существующих вопросов, и дать людям сравнить.

184. Привести всех к Истине, которая имеется на земле России, не составит никакого труда. На самом деле Я не вижу этого труда. Я вижу труд только в одном — это просто позволить этому быть, позволить прикоснуться к этому свободно рассуждающим людям. Тогда это проблему не составит, тогда можно было бы убрать все разногласия в духовном отношении. Я вижу, как это сделать.

185. Потому что та полнота Истины, которую Я готов раскрыть, сделает ясными все духовные вопросы. Я легко покажу нелогичность того, что существует и на чём претыкаются, — просто, логично.

186. В этом можно будет убедиться даже с научной точки зрения. То есть Я готов развернуть это в любом аспекте. Это не будет трудным. Но трудность-то в том, чтобы к этому выйти.

187. Если бы какой-то из народов мог бы эту Истину взять за основу, то церковь привести к единству было бы просто. А если это сделать удастся, тогда, привлекая внимание других, можно втянуть в череду принятия Истины очень многих. Тогда много горя можно было бы избежать.

188. Тем более что мусульмане, в которых пробуют видеть некую опасность, ждут прихода живого Исы даже более логично, чем этого ждут христиане. То есть у них больше шансов это принять».

189. «Виссарион, а как Ваши дети относятся к тому, что они дети Учителя?»

190. «Они как раз просто к этому относятся. Но эту простоту ломают сами верующие, они задают сложность. То есть они очень много это подчёркивают.

191. Поэтому для воспитания Моих детей создалась чрезвычайно большая сложность. У всех, на кого они выходят в контактах, отношение к ним, конечно, не во благо этих детей. И поэтому много таких разных накладок.

192. Те, кто постарше, просто протестуют против всего этого, они начинают вести себя немножко своеобразно. Вот Рома, старший сын ... его поведение больше похоже на протест против того, как к нему пробуют относиться. Он как бы рушит все эти их догмы, их фантазии, которые они вокруг него создают. И его поведение становится своеобразным таким, взрывным, эмоциональным, каким-то очень странным временами ... Но это больше протест на то отношение, которое выстраивают.

193. Маленьким детям, конечно, сложнее этот протест выражать. Они больше поддаются на лестные какие-то слова ... Это, конечно, портит их психику, это ломает. Потом сложно с ними справляться и воспитывать их дальше, что-то требовать от них ... В любое место побегут — им всё дадут ... И это большая сложность ...»

194. Утром двадцатого августа Учитель вместе со своей семьёй выехал в Красноярск.

195. Вечером этого дня путники были уже в Крыму, в Симферополе. А ещё через пару часов после приземления самолёта Учитель вместе со своими друзьями слушал шум ночного моря.

196. Виссарион впервые за много лет, приняв предложение последователей из Киева, решил побывать на крымском побережье Черного моря без проповедей и организованных встреч с людьми.

197. И оказался Он таким образом вместе с семьёй своей и друзьями в Мисхоре, в санатории с названием «Дюльбер», что означает «прекраснейший». Действительно, это красивое место со своим субтропическим ботаническим садом и удивительным воздухом, наполненным запахами южного парка и морского прибрежья.

198. Архитектурный ансамбль в арабском стиле, созданный на рубеже XIX и XX веков по инициативе одного из последних

князей царского рода Романовых, был какое-то время крымским дворцом князя.

199. Бурные, насыщенные события истории на протяжении почти столетия приводили не раз к смене хозяев этой архитектурно-парковой жемчужины ... Ныне это был санаторий Верховного Совета Украины.

200. В эти дни Учитель много времени проводил у моря: купался, грелся на солнце, глядя на горизонт, запечатлевал на камеру разные состояния моря ...

201. Второго сентября, в день рождения своей жены Любы, Учитель был вместе с семьёй в Севастополе по приглашению Олега, учёного, делового человека, симпатизирующего Свершению.

202. Этот день был наполнен яркими впечатлениями от многочасовой прогулки на яхте и купания в открытом море. Такое событие произошло впервые в жизни Учителя и Любы и стало для них запоминающимся подарком.

203. Третьего сентября Виссарион был уже в Киеве, где на следующий день в зале Дворца культуры национального авиационного университета, вмещающем две тысячи человек, должна была состояться встреча с Ним.

204. Этому событию предшествовало более чем недельное оповещение через многочисленные афиши о предстоящей встрече с Виссарионом, основателем новой сибирской цивилизации. Афиши были цветные, с большим изображением улыбающегося Учителя.

205. Одна из православных церквей, существующих на Украине после разделения внутри православия, неожиданно проявила через своих верующих активное противостояние намеченной встрече с Учителем. Часть афиш была сорвана, часть — заклеена лентами с предупреждением об «опасной тоталитарной секте».

206. Накануне встречи к директору Дворца культуры пришли люди с депутатским запросом от Украинской Рады о правомерности проведения в зале Дворца культуры национального университета встречи с Виссарионом, лидером «опасной, деструктивной, тоталитарной российской секты, который для чего-то прибыл в Киев именно накануне выборов президента Украины».

207. Но ректор университета, до которого дошёл депутатский запрос, не увидел веских причин для отмены уже намеченной встречи, ибо организация «Церковь Последнего Завета», основоположником которой является Виссарион, была юридически зарегистрирована в Киеве равноправно с другими религиозными конфессиями Украины.

208. Ещё один оригинальный тактический шаг к срыву встречи с Виссарионом был предпринят оппонентами в ночь перед этой встречей. Поверх афиш с изображением Учителя были наклеены афиши с вежливыми извинениями за то, что Виссарион пока ещё не приехал в Киев и встреча с Ним переносится на более поздний срок (была даже указана дата этой, якобы перенесённой, встречи) ...

209. И всё же встреча состоялась. Пришедших на неё людей было около двух тысяч. Хотя на улице перед Дворцом культуры раздавали многочисленные листовки не менее трех видов об опасности присутствия на встрече с «деструктивной лжемессией» Виссарионом.

210. Листовки содержали негативную, ложную информацию и представляли собой в основном набор текстов, перепечатанных с некоторых страниц Интернета.

211. Когда встреча началась, то ещё какое-то время продолжались короткие, последовательные выступления некоторых людей, пришедших помешать её проведению.

212. Эти неположительные речи в сторону Учителя и общины были короткими потому, что большинство пришедших

слушать Виссариона устраивали бурную «овацию» очередному выступающему, и ему приходилось под аплодисменты покидать зал, так и не достигнув цели своего выступления. Приблизительно через час таких выступающих не осталось и люди сплотили внимание своё на Слове Учителя.

213. Встреча продолжалась около четырех часов. Люди не отпускали Учителя, задавая всё новые и новые вопросы ...

214. По завершению встречи к Учителю подошёл для знакомства главный гетман украинского казачества, президент Всеукраинской федерации боевых искусств Анатолий Попович и выразил просьбу о личной встрече с Виссарионом.

215. Беседа состоялась поздним вечером этого же дня. Гетман рассказал о своём духовном пути, о поиске духовной идеологии для украинского казачества, о поездке в Индию и о встрече с учителем Калки.

216. По словам Анатолия, встреча с Калки изменила многое в его взглядах на мир, на различные религиозные движения и на взаимоотношения между людьми. Благодаря общению с Калки изменилось качество сознания Анатолия, и потому стала возможной, по его мнению, встреча с Виссарионом.

217. Проходя своё духовное становление, гетман был и слушателем православной духовной академии. «К сожалению, не Вера есть ныне скрепляющая основа православной церкви, а каноны и догматы», — сказал он в разговоре.

218. Одно из своих рассуждений Анатолий закончил такими словами: «...Из хаоса вытекает Божественное».

219. На что Учитель ответил: «Хаоса нет. Есть состояние сознания юного человечества, детский период раннего развития человечества».

220. «А пробуждение души?» — спросил гетман.

221. «Человек, развиваясь, всё более находя положительное в окружающем его, всё больше открывается токам Гармонии Отца ...» — сказал Учитель.

222. «Что можно сказать о технологиях сознания, технологиях формирования духа?»

223. «Формирование духовного мира — это формирование отношений друг с другом ...» — ответил Виссарион.

224. «В рамках государства это возможно?»

225. «... Вокруг зарождающегося нового гармоничного начала постепенно будет меняться информационная среда в существующей язве», — этой фразой Учитель закончил свой ответ.

226. В конце разговора гетман предложил Виссариону ознакомиться с письменным обращением к Нему от международной организации «Казачество Украины».

227. В этом обращении выражалась просьба к Учителю быть соучредителем Международного казацкого духовного государства и говорилось, что казачество отдаёт себе отчёт в том, что с XXI веком началась новая эпоха — эпоха преображения мира, преображения Украины.

228. Гетман попросил Учителя письменно выразить своё отношение к этому документу. Учитель улыбнулся и написал: «Во Славу Отца Небесного одобряю. Вс. Хс.».

229. Шестого сентября Учитель дал большое интервью корреспонденту газеты «Сегодня», одной из крупнейших на Украине газет.

230. Интервью вышло в свет в начале октября без каких-либо оценивающих комментариев со стороны редакции и с минимальными искажениями.

231. Седьмого сентября Учитель вместе с Борисом возвратился в Красноярск. А Вадим по желанию Учителя отправился из Киева со встречами-концертами в Болгарию.